

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук, заведующего кафедрой философии Ивановского государственного химико-технологического университета Кудряшовой Татьяны Борисовны на диссертационное исследование Рубец Марии Владимировны «Восприятие и языковая картина мира (на материале китайского языка)», представленное на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания

Актуальность темы диссертационного исследования Рубец М.В. обусловлена тем, что в нем в единстве представлен процесс и результат осознания важнейших социокультурных феноменов (культурная безопасность, сохранение идентичности и др.) через онто-гносеологические категории восприятия мира и языковой картины мира. Таким образом, в работе внимание акцентируется на вопросах когнитивного развития индивидов и этносов, когда человек, природная и культурная среда рассматриваются как единое целое, что вполне отвечает системе современных теоретических установок. Причем, актуальность приобретает еще большую значимость в связи с исследованием познавательных возможностей представителей такой уникальной культуры, как культура Китая, стремительно продвигающейся к уровню доминирующей в мировом масштабе. Эта культура, сочетающая в себе традиции и новаторство, прошлое и будущее, может дать большой материал для рефлексии по поводу «изучения особенностей разных аспектов восприятия реальности, связанных с языковой картиной мира конкретного этноса», сравнения когнитивных особенностей носителей разных языков, «связи языка, культуры и когнитивных процессов в условиях современного глобализирующегося мира» (С. 4-5).

Проблема несовпадения когнитивных типов носителей разных культур, обсуждаемая в Первой главе (Культура как когнитивный фактор (на примере китайской культуры)), неизбежно заставляет автора обратиться к идее лингвистической относительности и ее судьбе, а также к вопросу когнитивных оснований сравнения культур. При этом автор не случайно исходит из идей В. фон Гумбольдта, одним из первых заявившем о разности восприятия мира тем или иным народом. Термин «языковая картина мира» самим сочетанием слов, образующих его, уже указывает на зрительное и пространственное восприятие, как на когнитивные механизмы, неразрывно связанные с языковым освоением мира. Диссертант рассматривает историю понятия, но при этом не забывает о его практическом освоении для анализа конкретных познавательных практик. Так интересным представляется авторское продолжение начатого еще В. фон Гумбольдтом, М. Вебером разговора о зависимости такого социального института как наука от прочих культурных факторов (религии в частности), и актуализация Вайсгерберовского дискурса о зависимости науки, как области профессионального целенаправленного познания, от общей языковой

картины мира. Это очень важный вопрос, решение которого в будущем, возможно, позволит рационально распределять научные задачи (и не только) в мировом масштабе с учетом естественного языкового ресурса. В то же время автор не забывает, что любая научная концепция носит гипотетический временный характер, а потому у нее есть как сильные стороны, так и слабые. Поэтому естественен переход от идеи лингвистической относительности к современной нео-уорфианской парадигме, учитывающей теоретические и эмпирические достижения современной когнитивной науки.

Обращаясь к вопросу о многообразии культур и их типологизации, автор выбирает классификацию, основанную на различии правополушарного и левополушарного типов мышления и культур, и выделяющую холистические (пространственно-образные с иероглифической письменностью) и аналитические (логико-вербальные с алфавитной письменностью) стратегии или стили мышления, обусловленные культурой. Соответственно, специфика китайской культуры и ее когнитивного стиля связывается автором с первой типологической группой. Вновь акцентируется внимание на том, что особенности, присущие такой культуре восточного типа, такому «архаическому» холистическому восприятию мира и такому иероглифическому языку, которые есть у китайцев, придав их знаниям преимущественно эмпирический характер, не позволили здесь в свое время развиваться науке европейского типа.

Не задерживаясь на этих общих и общеизвестных положениях, М.В. Рубец обращается к детализации культурно обусловленного взаимодействия языка и когнитивных механизмов. При этом культура понимается ею как «среда, оказывающая селективное давление на ее носителей в процессе онтогенеза» С. 29. Проводится анализ иероглифической письменности, выделяются основные классы иероглифов С. 30-32. Соискатель анализирует, какие когнитивные способности доминируют при чтении иероглифов того или иного класса, отмечая, например, значимость способностей визуального конструирования С. 32: репрезентации перцептивных образов с помощью «картинки», одно-моментность целостность извлечения смыслов или, другими словами, холистичность стратегии обработки письменной информации С. 33.

В соответствии с традициями современной философии языка соискатель обращается к теме речи и языка, устной речи и письма С. 33-34, показывая, что характерная для алфавитной культуры связь понятия с его фонетическим выражением и графическим представлением, в иероглифической культуре выглядит по-другому. *Замечание по разделу: раздел называется «Речь и письмо», а говорится в нем, в основном, о соотношении фонетики и графики письма при чтении. Чтение – это еще не вся речь.*

Далее диссертант делает сравнительный анализ влияния обучения грамоте на развитие когнитивных стратегий учащихся в алфавитных и иероглифических культурах. Ею особенно выделяются такие когнитивные

способности как память, во многих ее формах (визуальная моторная, аудиальная, музыкальная, семантическая), холистическое восприятие (удерживаемое в состоянии активности с раннего детства и ориентированное на правополушарный потенциал мозга). Автор подчеркивает социокультурную (а не врожденную) обусловленность данных способностей: аналитические стратегии логико-вербального стиля мышления с последовательной, «пошаговой» обработкой информации (для культур с алфавитным языком) и, наоборот, визуально холистические стратегии восприятия информации, формируемые в культурах с иероглифическими языками. *Замечание по разделу: в общем случае память не входит в структуру восприятия. А если вводится, то необходимо разъяснение, в каком именно качестве.*

Обращаясь к детальному анализу холистической стратегии восприятия иероглифа, характерной для китайской культуры, автор подчеркивает, что по сути, овладевая письменностью, китайцы с детства учатся запоминать и уметь различать целостные образы слов своего языка в виде графических знаков, очень трудно различимых для представителей других культур. Минимальная разница в написании для китайцев имеет смыслообразующее значение С. 43-44.

Далее автор переходит к особенностям аудиального восприятия языка у китайцев, в контексте уже рассмотренных особенностей визуального восприятия. Отмечает что в условиях ограниченного фонетического состава для расширения возможностей языка используется тонирование. Таким образом, и просодическая (тоновая) составляющая, как пишет автор, «является неотъемлемой частью понятия, выражаемого словом» С. 48 *Замечание: в этом разделе, как и в разделе «Речь и письмо» автор использует многозначный термин «понятие», но не оговаривает, в каком значении. Судя по контексту, иногда этот термин используется М.В. Рубец как «значение слова», а иногда - как «слово». Такое неоднозначное использование термина нигде не оговаривается, а потому хотелось бы получить разъяснения по его использованию.*

Автор приводит эмпирические данные о том, что при восприятии китайского языка сначала правым полушарием обрабатывается интонационная составляющая, и только потом в левом происходит осмысление информации С. 48 Подчеркивается необходимость обладания довольно тонким слухом у китайцев, музыкальным слухом, также контролируемым правым полушарием. Но и данный фактор является не врожденным, а культурно приобретенным, что обосновывается возможностью довольно быстрого овладения китайским языком людьми других национальностей (особенно детьми).

При рассмотрении явления фонетической омонимии, распространенной в китайском языке, автор показывает что при затруднении уточнения слова через контекст – дополнительно используется визуализация, связанная с написанием слова. И это отмечается в качестве еще одной когнитивной особенности. Визуализация также используется в виде

цифровых жестов во время коммуникации, включающей в себя числовую информацию. Автор это называет архаической привычкой, характерной для правополушарных культур.

Если первая глава посвящена специфике когнитивных механизмов, в основном, в рамках традиционной культуры, то во Второй главе рассматриваются современные когнитивные проблемы формирования ЯКМ в условиях глобализации, когда языковые заимствования становятся чуть ли не повседневной нормой. Причем, для анализа выбирается та часть ЯКМ, которая связана с наукой и интернет-лексикой, поскольку в структуре любого языка эти составляющие наиболее динамичны и подвержены обновлению гораздо чаще, чем другие составляющие ЯКМ. В связи с этим на первый план выходит когнитивная проблема понимания но уже в новых социокультурных условиях. Особенно это важно в условиях научной коммуникации, когда в рамках одной научной парадигмы объединяются исследователи с разным когнитивным стилем. Вполне оправданным видится выбор для анализа и сравнения терминологии химии и современной физики, как ведущих областей естественнонаучного знания, имеющих сложившуюся устойчивую систему научной коммуникации.

Прежде чем анализировать китайскую научную лексику автор обращается в проблеме именовании идеальных объектов науки в европейской культуре. Картина получается довольно пестрая, даже если ограничиться рамками химии и физики. Показывается, что принципы именовании, например, химических объектов (*здесь замечание – автор говорит об именовании веществ, хотя приводит примеры именовании как химических элементов, так и веществ – а это разные объекты*) – существенно разнятся и не образуют устойчивой системы. Даже при их переводе на русский язык с родственной алфавитной письменностью возникают проблемы с семантикой переведенных терминов, когда либо теряется часть смысловой нагрузки термина, либо приобретает излишняя.

По иному выглядит ситуация заимствования или развития научной терминологии в Китае: «Тяготение китайской культуры к образности и наглядности с необходимостью должно было проявиться в способах составления новых научных терминов», - отмечает автор С. 58. Поскольку фонетический строй китайского языка не позволяет производить транскрибирование иностранных слов в нашем понимании С. 59, китайским ученым и переводчикам пришлось прибегать к иным принципам перевода. Но в любом случае в адаптированных для китайского языка терминах хорошо просматривается образность мышления и склонность к оперированию перцептивными представлениями, а также холистическая стратегия восприятия иероглифов. С. 60-63. Причем, автор справедливо отмечает, обратившись к соответствующим исследованиям, что подобное взаимодействие культур может принести науке особую пользу, поскольку языку европейской науки недостает визуализации. И хотя западные ученые пользуются визуальными наглядно-образными представлениями в виде графиков, рисунков, моделей и проч., однако в самой западной терминологии

эти выразительные качества присутствуют гораздо слабее, чем в их китайских аналогах С. 58-59, 64

Сами принципы перевода и китайские переводные термины интересны для эпистемологии, поскольку при переводе китайцы выявляют самую суть научного термина, «подбирая аналоги, которые были бы наиболее показательными и наглядными для носителей китайского языка» С. 67-68. По сути здесь автор выходит на проблему полноценного диалога языков, научных культур, в котором может появиться та истина, которая ни в одном из взаимодействующих языков в отдельности не присутствует. Наверное и сами китайцы, придавая научным терминам при переводе особую специфику нуждаются в диалоге, позволяющем высветить как сильные, так и слабые стороны подобного рода переводов.

Далее автор обращается к формированию новой лексики в рамках электронной культуры (SMS и интернет-коммуникация). Автор справедливо обращается к идее, пророческим образом высказанной еще Маклюэном о том, что «в массовых коммуникациях происходит возврат к архаическому мировоззрению и мировосприятию, «в аудиовизуальный мир одновременных событий и всеобщего сознания»» С. 74. Они подсказывают, в чем же может состоять специфика коммуникативно-языковых процессов «интернетизации» в Китае. Особенность ситуации в том, что и в Западной культуре в технически обусловленной коммуникации получили распространение поликодовые тексты, сочетающие в себе как вербальные, так и визуальные коды, что иногда представляется шагом в сторону архаического сознания С. 76-77. Однако, как показывает автор, процессы, происходящие в текстовом поле китайской электронной культуры оказываются еще более насыщенными подобными рода трансформациями.

Глава 3 посвящена собственно когнитивной или гносеологической проблеме взаимообусловленности особенностей восприятия и ЯКМ у китайцев. Автор исходит из идеи о том, что способность восприятия зависит от специфики языковой концептуализации и наоборот. Здесь высказываются наиболее смелые авторские идеи. Анализируется эмпирический материал, связанный с исследованием языков архаичных культур и делается вывод о связи лексики, морфемки и других составляющих грамматики языка с особенностями восприятия их носителей. Показано, что так называемая «когнитивная экономия», позволяющая пользоваться комбинацией уже имеющихся выразительных средств вместо введения новых, в традиционном китайском языке присутствует в гораздо меньшей степени. Здесь, например, в системе глаголов преобладает формосообразная репрезентация перцептивного образа, когда, например, каждой позе соответствует отдельное ее именование. Но автор отмечает недавно возникшую тенденцию к когнитивной экономии и в китайском языке, хотя по-прежнему пространственной форме уделяется повышенное внимание С. 89-91.

Любопытен анализ классификаторов или нумеративов, показывающий культурное различие самих способов категоризации в языке. Здесь также проявляется особенность восприятия, акцентирующая внимание на внешней

(видимой, чувственно воспринимаемой) форме, в отличие от более абстрагирующих эти свойства западных языков. Соответственно, проявляется и обратное влияние языковой картины мира на когнитивные привычки. М.В. Рубец удалось подобрать убедительный материал, иллюстрирующий существенные изменения, происходящие в современной когнитивной системе китайцев, погруженных в инородную им среду интернет. Эта среда, ориентированная на западные языки и использующая его принципы, меняет не только языковую картину мира китайцев, но и способы их восприятия мира.

Автор не опасается показать, что эмпирический материал далеко не всегда дает «гладкую» картину зависимости мышления от языка. Тем более, что в условиях глобализации, двуязычия и многоязычия «чистота» подобного рода экспериментов ставится под сомнение. Однако, основные выводы философского характера не вызывают сомнения.

В то же время можно сделать ряд замечаний общего характера:

1. *Некоторая сумбурность в рассмотрении когнитивных и языковых явлений в некоторых разделах работы, вызвана, как мы считаем, тем, что не была заранее оговорена одна из двух главных категорий диссертационного исследования – «восприятие». Довольно случайное определение этого термина дано только на С. 5-6: «Восприятие и разные его аспекты будут рассматриваться в когнитивном ключе: визуальное, аудиальное и т.д.; стратегии восприятия перцептивных образов (холистические, аналитические); частные аспекты восприятия (восприятие формы, ментальных представлений и проч.)». Не приведена рабочая структура восприятия. Да и определение ЯКМ тоже слишком лаконично: «Под ЯКМ мы будем понимать способы концептуализации различных явлений реальности языковыми средствами» (Там же). Отсюда – хаос в рассмотрении их взаимодействия. В какой-то степени, это можно объяснить самой постановкой вопроса, когда объектом исследования были названы «данные специализированных исследований» - вот они, подчас, и ведут соискательницу за собой, а не заранее продуманная структура восприятия или ЯКМ.*

2. *В первых двух главах автор иногда увлекается эмпирическим материалом частного уровня, не всегда приводит его контекстные обобщения (обобщения и выводы обычно приводятся лишь в конце раздела в отрыве от примеров), хотя иллюстративную функцию это материал выполняет хорошо. В Третьей главе этот недостаток отсутствует.*

Несмотря на эти общие замечания и ранее высказанные частные, исследование демонстрирует индивидуальный стиль, автор достаточно уместно пользуется принципом наглядности, характеризующем, помимо прочего, и китайскую культуру. Это придает тексту необходимую прозрачность, не всегда присутствующую в научных, философских текстах алфавитной письменности. Выражается это, например, в способах группировки смысловых единиц текста (абзацев, разделов), их именовании. Они выразительны и целостны.

Работа соответствует следующим пунктам паспорта специальности 09.00.01 онтология и теория познания: п. 22. Социальная онтология человеческого бытия и общественного развития, ее соотношение со структурой, проблемами и достижениями в области социальной философии и теоретической социологии; п. 40. Специфика критериев истинности знания в естественных, гуманитарных и технических науках, соотношение истины, ценности и практической эффективности знания, правдоподобного, вероятного и достоверного объяснения сложных процессов и систем; п. 43. Соотношение философских, общенаучных и практических методов познания и творчества, их прогресс и интеграция в системно-структурные исследования.

Диссертационное исследование, его основные идеи включают элементы новизны, прошли необходимую апробацию, обсуждались на научных мероприятиях различного уровня, Рубец М.В. имеет достаточное число публикаций. Претензий к содержанию автореферата нет.

Диссертационное исследование соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Рубец Мария Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания.

14.01.2016

Официальный оппонент
доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии
Ивановского государственного
химико-технологического университета

Кудряшова Т.Б.

Подпись Кудряшовой Т.Б. заверяю,
Ученый секретарь Ученого совета ИГХТУ

Гордина Н.Е.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановский государственный химико-технологический университет» (ФГБОУ ВО «ИГХТУ»)

Юридический адрес: 153000, г. Иваново, Шереметевский пр, 7, ИГХТУ
Почтовый адрес: 153000, г. Иваново, Шереметевский пр, 7, ИГХТУ

тел: +7(4932)329241
E-mail: rector@isuct.ru